

[...] the author's concert of Rachmaninoff (chamber concert of the Philharmonic Society meeting of December 13). The interest of this concert lay not so much in the pleasure that cannot but be given by the piano performance of Rachmaninoff, the bearer of truly pop-performing qualities (a full, resonant impact, a colossal, unconstrained force of temperament and the ability to direct all these forces on the path of satisfying artistic, heartfelt tasks), as much as it is possible to trace the evolution of the piano style and the talent itself of this gifted lyricist. The difference in the emotional content of Rachmaninoff's work from that of Tchaikovsky has long been pointed out. Despite the similarity of the very nature of the talent, lyrical par excellence, Rachmaninoff always differs from Tchaikovsky in a note of cheerful strength, the ability to maintain some confidence amidst the sadness evoked by life's impressions. As the years passed, this note made itself felt ever more clearly (remember the Preludes, Op. 23); The rhythms became more vigorous and precise. The very character of the writing became broader, freer, more sweeping, and now in the 32nd opus (preludes) and especially the 33rd, as far as one can judge a work not yet published, but only heard once, it has become purely—yes! almost purely!—virtuoso, pop. You will ask whether this is for the better and whether this optimistic and, so to speak, more demagogic stream in Rachmaninoff's work promises us new pleasures!... And it must be admitted that the answer should be negative. Rachmaninoff's works have lost much of their warmth and tenderness (the obvious exception being the G sharp minor Prelude, Op. 32), but they have not yet achieved the power of bravura virtuosity, for they remain too serious and noble for this. Moreover, while expanding in size, they have not grown in the breadth of their musical thought and thus, outwardly, even seem paler. Rachmaninoff ended his evening out of chronological order, with more substantial preludes following the "picture studies." However, even among these studies there are some excellent pieces, such as the C sharp minor "picture." Rachmaninoff's success in becoming a recognized favourite of the Moscow public was very great, although the public sometimes (for example, after the variations, Op. 22) took a wait-and-see attitude. Gr. Prokofiev.

[Translation: Google]

[...] авторскій концертъ Рахманинова (камерный концертъ Филармон. Общ. 13 декабря). Интересъ этого концерта заключался не столько въ томъ наслажденіи, которое не можетъ не доставить фортепьянное исполненіе Рахманинова, носителя истинно-эстрадныхъ данныхъ (полнаго, звучнаго удара, колоссальной, непринужденной силы темперамента и умѣнія всѣ эти силы направить на путь служенія художественнымъ, проникновеннымъ заданіямъ), сколько въ возможности прослѣдить эволюцію фортепьяннаго стиля и самаго дарованія этого даровитаго лирика. Уже давно указывалось на отличіе эмоциональнаго содержанія творчества Рахманинова отъ творчества Чайковскаго. При сходствѣ самаго характера дарованія, лирическаго par excellence, Рахманиновъ всегда отличается отъ Чайковскаго ноткой бодрой силы, умѣнія сохранить койную увѣренность среди грусти, навѣваемой жизненными впечатлѣніями. Шли годы и эта нотка давала себя знать все яснѣе (вспомните прелюдіи op. 23); бодрѣе и точнѣе становились ритмы. Самый характеръ письма становился шире, свободнѣе, размашистѣе и вотъ теперь въ опусахъ 32-мъ (прелюдіи) и особенно 33-мъ насколько можно судить о сочиненіи еще не изданномъ, а лишь разъ прослушанномъ, онъ сталъ чисто, -да! почти чисто! — виртуознымъ, эстраднымъ. Вы спросите, къ лучшему-ли это и сулитъ-ли новыя намъ наслажденія

эта оптимистическая и, такъ, сказать, болѣе демагогическая струя въ твор-чествѣ Рахманинова!... И нужно признаться что отвѣтъ слѣдовало бы дать отрицательный. Произведенія Рахманинова утратили многое въ смыслѣ задушевности, ласковости (явное исключеніе *gis-moll*'ная прелюдія, ор. 32), но они не стали импонировать силой бравурной виртуозности, ибо для этого они остались слишкомъ серіозными и благородными. Кромѣ того, разрастаясь размѣрами, они не выросли въ смыслѣ широты музыкальной мысли и та-кимъ образомъ внѣшне кажутся даже поблѣд-нѣвшими. Рахманиновъ закончилъ свой вечеръ не въ порядкѣ хронологіи и болѣе содержа-тельные прелюдіи послѣдовали за «этюдами-картинками». Впрочемъ, и среди этихъ этю-довъ есть превосходныя сочиненія, вродѣ *cis-moll*'ной «картинки». Успѣхъ Рахманинова ставшаго признаннымъ любимцемъ московской публики, былъ очень большимъ, хотя пуб-лика иногда (напр., послѣ варіацій ор. 22) за-нимала позицію выжидательную.

Гр. Прокофьевъ.